

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б 48

Бер, Власта.

Б 48 Уроки соблазнения в... автобусе / Власта Бер. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Звезда Рунета #ПроЧувства).
ISBN 978-5-17-105641-4.

Что делать, если ты опаздываешь, а в подошедшем автобусе полно народу? Только терпеть давку.

Но что же делать, если ты попадаешь в пикантную ситуацию из-за давки? Только выйти поскорее, пусть даже на остановку раньше, и надеяться, что больше никогда не встретишь этого случайного попутчика. Но случайностей не бывает, и иногда судьба приносит совсем неожиданные сюрпризы, ведь в неловкое положение в автобусе Настя поставила не только себя, но, как оказалось, и своего учителя-практиканта по английскому языку...

И как теперь себя вести? Влюбиться, что же еще!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Литературно-художественное издание

18+

*Звезда Рунета
#ПроЧувства*

Власта Бер

Уроки соблазнения в... автобусе

Ведущий редактор К. Секачева; корректор Т. Кузьмина
Технический редактор Т. Тимошина
Дизайн обложки Е. Климова; верстка А. Грених

Подписано в печать 07.11.2017.
Формат 84х108/32. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1500 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, РФ, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39

«Баспа Аста» деген ООО
129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 кұрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E - mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

ISBN 978-5-17-105641-4.

© Власта Бер, текст
© ООО «Издательство АСТ»

Возникало ли у вас сильное желание убить кого-то? Или крушить и ломать все, что попадется под руку? Если нет, то вы счастливый человек. А если да, то вы меня поймете.

Злость душила меня, а может, мне просто не хватало воздуха, потому что я пробежала за этим долбаным автобусом метров сто, отчаянно размахивая руками в надежде на то, что этот гребаный транспорт притормозит. Но нет! Водитель не соизволил остановиться и подобрать меня, поэтому я, едва дыша, вынуждена вернуться на исходную позицию.

От быстрого бега и обиды щемит в груди. Со всей злости бью ногой по камню на земле, и он со звоном впечатывается в урну на остановке, опрокидывая все ее содержимое. Упс! Делаю вид, что это не я. Как можно флегматичней смотрю на часы. Блиииин! Если я сяду в следующий автобус, то я, конечно, успею в школу, но в это время как раз столько народу едет. С тоской смотрю на внушительную толпу, которая переминается от нетерпения с ноги на ногу.

Эххх... А весна в разгаре! Солнышко слепит яркими лучами мои заспанные глазки, а приятный ветерок ерошит мои еще влажные волосы. Офигенный день для прогулок по парку! Может, забить на эту школу? «Нет, — вздыхаю я, — сегодня контрольная по истории...»

На горизонте показывается автобус. Народ на остановке оживает. Я собираю все свое мужество в кулак — сейчас предстоит настоящий штурм дверей и схватка за место внутри. «Тааак, ребята, спокуха! Я пришла сюда первая!» — бросаю злобные взгляды по сторонам, а в душе молюсь: «Лишь бы влезть!» Пассажиры автобуса продвигаются вглубь, с жалостью поглядывая на огромную кучу людей. Всем места не хватит! Я умру, но влезу!

В автобусе очень душно. Протискиваюсь сквозь эту потную толпу. Как же меня это бесит! Пытаюсь не дышать. На секунду показалось, что чуть правее немного больше места, пробую шагнуть туда, но понимаю, как жестко я ошиблась. Меня зажимают со всех сторон в форме звезды, и я буквально повисаю в воздухе между людьми. Что же это такое?! Пытаюсь снова собраться в кучку. Резкий поворот, и все внутри автобуса резко смещаются влево, потом так же резко вправо. По сердитым ахам и вздохам понимаю, что ногу отравили не только мне.

«Не дрова везете, уважаемый», — хочу крикнуть я, но лишь недовольно вздыхаю, ожидая услышать эти слова от других, но все предательски молчат. Ясно. Раздраженно выдыхаю. Но теперь-то я хотя бы стою на двух ногах и руки у меня при теле. Стоп! Мне ведь не за что держаться!!! Очередная кочка, и я, теряя равновесие, опять меняю свое местоположение. Чтобы не упасть, я цепко хватаюсь за спинку сиденья и с силой упираюсь в кого-то сзади, чтобы найти точку опоры. Фух! Но сиденье вдруг начинает шевелиться, и я с ужасом понимаю, что это мужская рука. Твою ж! Пытаюсь отдернуть руку, но нас опять швыряет, и я, опять хватаясь за его руку, вжимаюсь в его грудь еще сильнее. Слышу недовольный вздох. Уж простите! Мне тоже неудобно! Скажите спасибо, что я не схватилась

за голову кого-нибудь из сидящих пассажиров, как в прошлый раз. Хэх!

Нащупываю - таки спинку кресла и отчаянно пытаюсь за нее ухватиться. Ох... а за руку было удобней держаться. Спиной чувствую какое-то ерзанье. Боковым зрением вижу, что мужчина пытается отвернуться от моих волос, которые упрямо лезут ему в рот. Ну, простите, я спешила и не успела сделать хвостик, и, вообще, наспех расчесалась.

Когда мне кажется, что все более-менее устаканилось, происходит самое страшное! Сердобольный мальчуган, который сидел напротив меня, уступает место какой-то бабуле, кое-как протискиваясь мимо меня. Я и мой попутчик сзади просто срастаемся, чтобы хоть как-то подвинуться. Она садится с горем пополам. И тут у меня темнеет в глазах. Этот запах! Это не передать словами. Я уважаю старших, но такое ощущение, что бабуля уже разлагаться начала! Я не дышу. Дышать невозможно даже ртом! От нехватки кислорода у меня уже глаза на лоб лезут. Так и вижу заголовки газет: «Нелепая смерть в автобусе от удушья». Нет, я слишком молода, чтобы так глупо умирать. Единственный выход — развернуться к ней спиной.

Стать боком было просто вершиной мастерства. Кряхтя и охая, я добиваюсь поставленной цели, и мой попутчик сзади превращается в попутчика спереди. Хм. А он довольно-таки молод, если судить по его шее, которая виднеется за расстегнутым воротничком белой рубашки. Такие широкие плечи, а загорелая кожа шеи кажется очень нежной. «Так! Стоп! Харе пялиться», — говорю я себе и опускаю взгляд вниз. Оп! Кочка! И меня толкает на него. Опять хватаюсь за его руку. Он, похоже, уже не возражает. Привык, наверно. Мельком замечаю, как его кадык прошелся по шее, а губы приот-

крылись. «Не пялся! Кому говорят!» — уже кричу я себе, чувствуя, как ускоряется сердцебиение.

М-м-м. Как от него приятно пахнет. После пережитого кошмара, это просто бальзам на душу. Закрываю глаза и, наслаждаясь запахом, втягиваю поток воздуха. Толчок. И меня бросает на парня. Резко раскрываю глаза и отстраняюсь назад. От ужаса у меня расширяются зрачки — на его белоснежной рубашке розовеет след моей помады! Я вся сжимаюсь внутри. Может, не заметит? Но по вздоху понимаю, что заметил. От стыда не знаю, куда себя деть.

Водитель сегодня, похоже, в ударе и решил как следует над нами поиздеваться, и на очередной яме автобус встряхивает. Потеряв равновесие, я снова подаюсь вперед и упираюсь губами прямо в его шею. Вот черт! И правда мягкая! Отстраняюсь, крепко сжимая его руку. Блин! Я все еще за нее держусь. Но хуже всего, что от моей помады теперь и на его шее красуется розовый след. Спокойно! Главное, отцепиться от его руки! А то еще подумает, что я к нему пристаю!

Пытаюсь найти своей руке другое место, как вдруг мне кажется, что мою сумку кто-то тянет. В панике понимаю, что из-за плотной толпы народа я не вижу свою сумку вообще. За секунду вспоминаю страшные рассказы о воровстве в автобусах, и ради спасения своих мизерных денег, которых хватит только на булочку с чаем и проезд обратно домой, я отчаянным рывком тяну сумку к себе. Фух! Она все еще закрыта. Но тут вдруг этой бабule вздумалось выходить, и я вжимаюсь в парня напротив, не успевая убрать руку, и она застревает в весьма неудобном положении между нашими бедрами. О черт! Мои пальцы! По-моему, я уже слышу их хруст!

Кое-как ерзаю рукой, пытаюсь распрямить мои бедные пальчики, и только сейчас осознаю всю неле-

пость ситуации. Моя ладонь четко упирается в то самое место! И с еще большим ужасом понимаю, что его напряжение растет с каждой секундой. От шока я замираю и не двигаю рукой вообще! Но эта бабуля толкается, изо всех сил пытаюсь выйти, и я пробую хоть немного подвинуться, одновременно вытаскивая руку. Делаю пару безуспешных рывков, но мы так тесно вдавлены друг в друга, что моя рука словно приросла к его... хм... брюкам. За его спиной тоже выходят люди, и он непроизвольно двигает бедрами, давая моей руке ощутить всю прелесть мужской анатомии. Из его груди вырывается сдержанный хриплый стон. Меня вдруг бросает в жар, и внутри все сжимается.

Почувствовав небольшую свободу, я быстро расталкиваю остальных и пробираюсь к выходу.

Вот блин! Это же не моя остановка! Но лучше пробежаться до школы, чем ехать с озабоченными извращенцами.

Когда мне кажется, что мои легкие вот-вот взорвутся, я наконец-то вижу школу. Аллилуйя! Последнее сто метров я позволяю себе победоносно пройти, устало постанывая на каждом шагу. Теперь я чувствую всю боль в мышцах, а в боку колет так, что проступают слезы. Хочется упасть прямо здесь, в эту ароматную цветочную клумбу, и пролежать до конца занятий. Но, все же убедив себя, что там порядком нагажено местным собачьем, доползаю до крыльца школы. Схватившись за массивную ручку, я «элегантно» изгибаюсь, пытаюсь приглушить острую боль в районе печени. Я же вроде не курю! Что же так тяжело-то? Замечаю, как сквозь стекло меня с интересом разглядывают дежурные-семиклассники. Да уж! Могу только представить свой шикарный видок: морда красная, волосы растрепанные, из носа то и дело норовит вылезти со-

пля. Резким вдохом втягиваю ее обратно и выпрямляюсь. Некогда мне расслабляться!

Гордо открываю дверь и захожу. Так, какой там у нас кабинет? Бли-и-ин! Третий этаж! Каждая ступенька вызывает новую незабываемую боль. И зачем я так бежала? Все равно опоздала минут на пятнадцать на этот долбаный английский. Кому он вообще нужен? Да и учитель не пустит, скорее всего, пусть даже я опоздала впервые. У него жуткий пунктик насчет пунктуальности, и вообще у него этих пунктиков вагон и маленькая тележка. Скорее, выгонит, да еще и перед классом высмеет. Всего лишь практикант, а такой вредный! И чего только все девчонки в классе по нему так сохнут?

С тоской разглядываю дверь кабинета, одновременно приглаживая растрепанные волосы. За дверью подозрительно тихо. Странно. Так, заходим на счет «три». Три. Два. Один. И словно вырывая болезненный зуб, рывком открываю дверь. Двадцать шесть пар глаз устремляются на меня в безмолвном оцепенении. Блин! Наверно, надо было постучаться. Мельком замечаю, что на партах у всех одиноко белеет лишь листочек. Нет! Только не говорите мне, что у нас опять внеплановая контрольная!!! От ужаса у меня образуется черная дыра в желудке. Медленно поворачиваю голову к учителю. Он внимательно меня разглядывает, от его пристального взгляда размер черной дыры становится больше, поглощая весь мой организм. Слова «Простите, пожалуйста, за опоздание!», которые я репетировала всю дорогу, застряли где-то глубоко внутри. Из рта вырывается только хриплое дыхание. Чертова одышка!

— You may take your seat! — спокойно произносит учитель.

— А? — мой мозг сегодня туго соображает. Очень туго. Особенно по-английски.

— Садись быстрее, Селиванова! У нас контрольная, между прочим, — недовольным голосом произносит гроза двоечников и девичьих сердец Данил Романович.

Я раскрываю рот от удивления, наверно, чуть шире, чем все остальные в классе. Такого еще не было: опоздать на его урок, да еще и на контрольную, и при этом не быть осмеянной публично. Его что, похитили пришельцы и промыли мозги? Наконец-то!

— Вот это да! — шепчет моя соседка по парте Катя. — Насть, вот это тебе повезло!

— Ивановна! — строгий голос сеет гробовое молчание.

Я смотрю на задания. Теория про промывку мозгов с крахом рушится. Мы и половины из этого не проходили. Он, как всегда, в своем репертуаре. «Вы должны выходить за рамки школьной программы и самостоятельно изучать дополнительную информацию», — звучит у меня в голове его противный голос. Как же он меня бесит! Даже словарями не дает пользоваться! Про то, чтобы где-то списать или подсмотреть, я вообще молчу! В тишине класса слышится только панический скрежет ручек. Столько заданий, и так мало времени! Время поджигает!

Вдруг раздается неуверенный стук в дверь, и заглядывает секретарша директора:

— Данил Романович, эмм... простите... вас директор просил к нему зайти, — краснея и запинаясь, мямлит девушка. Так, твой диагноз однозначен.

Объект ее мечтаний смотрит сперва на нее, затем на часы. Осталось семь минут до конца урока. Потом на меня.

«Черт! Чего это я на него пялюсь?!» — быстро опуская голову, возвращаюсь к работе.

— Селиванова! — я вздрагиваю, услышав свою фамилию. — Соберешь работы и занесешь в учительскую на перемене.

А чего сразу Селиванова? Я даже не дежурная! Весь класс дружно провожает учителя ошарашенным взглядом. Когда за ним закрывается дверь, все удивленно переглядываются, а потом дружно шуршат книжками и словарями. Наверно, инопланетяне над ним таки потрудились!

Звенит звонок на перемену. Никто, естественно, и не чешется сдавать работы. Стою над всеми, как Цербер, и подгоняю злобным взглядом. Естественно, меня все игнорируют. Вам -то классно, а мне их еще в учительскую занести надо.

Звенит звонок на следующий урок. Я молча закрываю глаза, представляя свою казнь господином «Я-знаю-английскии-лучше-всех».

— Так! Быстро все сдали работы, — командует староста. Спасибо тебе, добрый мальчик! Он сразу вырос в моих глазах. — А ты, Селиванова, чего стоишь — прохлаждаешься? Или я должен за тебя еще и работы отнести?

«Было бы неплохо! — думаю я, занося его в свой черный список. — Раскомандовался тут!» — не люблю я лишнего внимания к себе. У меня это что-то вроде фобии или комплекса. Не знаю.

В бывшей школе, в которой я училась до девятого, в шестом классе у нас был конкурс красоты «Мисс Зима», который проводило местное модельное агентство, аля Что-то-там-моделс. Победительница среди своих классов (начиная с шестого) автоматически поступала на курс обучения (платный) и получала в придачу парочку подарков (довольно жлобских). Принять участие мог каждый. Просто заполни заявку и заплати небольшую сумму. Этот урок я усвоила навсегда: когда просят заплатить за участие, ничего хорошего из этого не будет! Мою гениальную идею принять участие в конкурсе мама восприняла довольно скептически, особенно когда узна-

ла, что за это еще и денег придется заплатить. Но так как она никогда не ограничивала мои начинания, сказала: «Хочешь — участвуй». А я очень хотела. Сладкий аромат возможности стать знаменитой и богатой моделью полностью меня пленил. Накануне конкурса я ломала голову, что бы мне надеть. У нашей семьи тогда был не лучший финансовый период, да и одежды было не так много. И я пошла за советом к маме. Это был первый и последний раз, когда я спрашивала ее совета. Моя мама человек практичный, но безвкусный. Посоветовала надеть то, что и обычно в школу. Но я навела справки, и мои подружки собирались прийти в новых платьях, о чем я и сообщила маме.

— Если их родителям хочется потом лечить цистит, то пожалуйста. В платье ты участвовать не будешь, школа еле отапливается, особенно актовый зал, а на улице минус двадцать. Если хочешь пойти в чем-то новом, надень кофту, которую бабушка подарила тебе на день рождения, — прозвучал такой ответ.

Кофта была ужасная! Такое ощущение, что бабушка покупала ее себе и размерчиком слегка ошиблась. Но сила мамино убеждения не знала границ. И вот я в кофте. словно в болотно-зеленом мешке, расшитом бисером. Чтобы хоть как-то придать этому убожеству женственный вид, я надеваю юбку. Да-да, я знаю, что я лох! Конечно же, мама в колготках меня в мороз и за порог дома не пустит. Поэтому я стою в этой кофте, вязаной юбке почти до колен и гамашах (это теплые вязаные штанишки, кто не знает). Да-да, я в курсе про лоха.

Итак, конкурс. Мамы суетливо помогают переодеться и накраситься моим одноклассницам и девочкам с параллельных классов. Моя даже посмотреть не пришла. Работа и все такое. Школа у нас была большая, и поэтому дур хватало. Набралось человек трид-

цать желающих. И в этой всеобщей суете стою я, спокойно наблюдаю. «Эй, девочка, здесь могут находиться только участницы! — говорит мне какой-то чел, видимо, организатор. — Иди, в зале присядь!» — «Так я участвую», — отвечаю я, показывая номерок. «Так давай переодевайся быстрее, мы начинаем через пять минут!» — «А я уже готова», — беззаботно отвечаю я. Он по-новому оценивает мой внешний вид, удивленно моргает и молча уходит. И почему меня тогда не насторожил его взгляд?

За минуту до выхода нам объясняют в двух словах, как пройтись по сцене и кокетливо улыбнуться в конце. Все девочки откровенно на меня пялятся. Моя кофта и гамаша явно выделяется на фоне почти летних платьев. «Зато мне не холодно», — утешаю я себя.

Суть конкурса такова: после небольшого дефиле участница становится посреди сцены и ей хлопают. Если зал хорошо поддержит участницу, то она проходит дальше. Я еще до выхода на сцену понимала, что нахожусь в полной заднице. Но такой уж я человек, не привыкла отступать. Поэтому я вышла на сцену.

Стараюсь не смотреть в зал. Промаршировав по сцене, останавливаюсь в центре. Тишина. Пол поплыл из-за проступивших слез. Боже, как стыдно! Я словно голая стою. Вдруг тишину обрывают одинокие хлопки, фыркание с первого ряда... и дикий хохот всего зала. Я убежала со сцены, не видя ничего перед собой, только пелену из слез. Ненавидя весь мир, я сидела, обняв колени, в техпомещении, пока не пришла уборщица.

Вот с тех пор я как-то не люблю привлекать к себе внимание. На маму я, конечно, не держу обиду. Но авторитет знатока моды и стиля в моих глазах она утратила навсегда.

— Йоу, Селиванова! Не зависай! — вырывает меня из грустных воспоминаний голос старосты.

Быстро хватаю уже собранные им работы и выбегаю из класса, практически столкнувшись с химичкой.

— Меня работы попросили отнести, — на ходу поясняю я и, не дожидаясь разрешения, бегу в учительскую.

Быстро хватаюсь за дверную ручку, но она резко ускользает от меня. И я, теряя равновесие, падаю в неожиданно открытое кем-то пространство учительской. И этот кто-то ловко подхватывает меня, не давая упасть. Мой взгляд упирается в белоснежную рубашку, а нос ловит знакомый пленительный аромат. Быть того не может! Дежавю? Охваченная маниакальным желанием узнать правду и не осознавая, что делаю, хватаюсь за пиджак двумя руками и рывком стягиваю его с плеч. Ага! Бинго! Моя помада на белой ткани. Поднимаю глаза и встречаю удивленный взгляд того, чьи контрольные только что выпали из моих рук. Вся жизнь проносится перед глазами, включая недавние события в автобусе. Ошарашенно моргаю в такт с ударами своего сердца. А он, усмехнувшись, говорит:

— А ты, оказывается, дикая штучка! Лезешь целоваться, лапаешь, раздеваешь прямо в учительской. Притормози, мы пока еще в школе, — по его голосу я не могу понять, он шутит, издевается надо мной или намекает на продолжение после школы?!!

Любой из этих вариантов меня безумно смущает. Издаю непонятные звуки, пытаюсь оправдаться толпой народа, кочками, бездарным водителем, и одновременно пчусь назад к выходу. Но он куда проворней, чем я, резким движением мой X-попутчик захлопывает дверь за моей спиной, обрезав все пути к отступлению. Я вжимаюсь в дверь, с испугом смотрю на своего учителя, который угрожающе сокращает между нами расстояние. Он же не собирается меня бить?

Учитель стоит на расстоянии менее вытянутой руки, пристально сканируя меня своим взглядом. Ни-

когда не замечала, что у него такие изумрудно-зеленые глаза. Густые темные брови и до безобразия пушистые ресницы. Блин! Наверно, даже длиннее, чем мои. И волосы у него гуще. Такие темные. Почти черные. Теперь я понимаю своих одноклассниц, которые говорят, что ему с такой внешностью нужно было стать моделью или актером.

— Куда-то собралась? — медленно спрашивает он, а взгляд как у кота, который загнал мышку в угол. Язык прирос к небу, и на связную речь рассчитывать как-то бессмысленно, поэтому утвердительно машу головой. Но заметив, что такой ответ ему не по душе, машу головой уже в другом направлении.

— А ты в курсе, что со своими учителями нужно здороваться при встрече? — так же медленно произносит он, наклоняясь ближе.

От его дыхания у меня уже шевелится челка.

— Я не люблю, когда меня игнорируют. Придется научить тебя вежливости.

Он уже непристойно близко. Я изо всех сил жмурюсь, но перед глазами стоят воспоминания сегодняшнего утра. Его приоткрытые губы, загорелая шея. Губы помнят его нежную кожу, а рука помнит его твердый...

Стук в дверь возвращает меня в реальность. Он резко отступает, и я тоже. В учительскую входит Катя.

— Я за журналом, — поясняет она этому извращенцу, который повернулся к нам спиной и делает вид, что смотрит в окно. — А ты что тут делаешь так долго?

— Работы собираю, — отвечаю я, откашлявшись, поднимая с пола листочки и складывая их на столе.

— А, — задумчиво произносит моя соседка по парте, разглядывая широкую спину мастера игнора.

Мы возвращаемся в класс. Вместо восприятия нового материала мой мозг занят анализом недавних событий. Что бы он сделал, если бы Катя не пришла?

Не знаю почему, но мне хочется пнуть соседку ногой. На истории я уже изо всех сил пытаюсь о нем не думать, стараясь сосредоточиться на контрольной работе.

Большая перемена. Девчонки как всегда собираются вокруг нашей «королевы» класса пополнить запас сплетен. Я стою в сторонке возле окна и задумчиво поедаю свой бутерброд. В гордом одиночестве.

Популярность — это не то, чем я могу похвастаться. Хотя после инцидента в бывшей школе меня знали многие. Но это не та слава, к которой стремятся люди. Избегая насмешек, я начала сторониться людей. Роль отшельника намертво прилипла ко мне. Даже когда я перешла в новую школу и получила шанс начать все заново, я все равно не смогла избавиться от этого клейма. В классе я более-менее общаюсь только с Катей, и то лишь потому, что мы сидим вместе. Но она в комитете, и почти каждую большую перемену у них собрание. Вот скажите мне, какой нормальный человек на такое подпишется? Группка глупых куриц, которые называют себя подругами, а сами поливают друг друга грязью за спиной, меня не привлекает. Они только и делают, что трещат про шопинг, макияж и парней. Уровень их развития дальше этих трех тем не шагает, а мне такое особо неинтересно. Парня у меня все равно нет. Не то что я не хочу ни с кем встречаться, просто никто особо и не предлагал. Интересно, как это иметь парня? «Показать тебе как?» — вдруг раздается у меня в голове хриловатый голос учителя. От такой неожиданной фантазии я давлюсь бутербродом.

Пытаюсь подавить першение в горле, но это лишь усугубляет ситуацию, и я взрываюсь кашлем, отправляя непрожеванные кусочки бутерброда на стекло. Ух! Мерзость! Быстро пытаюсь стереть со стекла следы бутерброда и моих слюней занавеской. Пока никто не заметил. Поздно.

Барби-клон с нескрываемым отвращением наблюдает за моими действиями. Лена — типичная блонда, с объемом мозга размером с горошину. Двойки ей не ставят исключительно потому, что папа депутат. У нас вообще довольно престижная школа. Дела у моего папы пошли вверх, финансовая ситуация поправилась. Приложив немало усилий, ему удалось записать меня в эту школу. Но если тебя не привозят на машине С-класса, ты неудачник. А я езжу на автобусе.

Переводя свой взгляд на ногти, Лена продолжает занудным голосом учить своих приспешников уму-разуму:

— Вот меня часто спрашивают, как соблазнить парня...

Не то чтобы я любитель греть уши в чужих разговорах, но почему-то вдруг стало интересно. Прислушиваюсь:

— Есть много разных способов, но принцип один. Мужчины любят глазами. Вот у типичной серой мыши, как эта... — спиной чувствую, что она в мою сторону ткнула. Вот сучка. — Нет ни единого шанса привлечь к себе внимание. Хотите знать почему? — продолжает она.

Ну давай, просвети нас, пока я не подошла и не выбила тебе передний зуб.

— Во-первых, волосы длинные, ниже плеч — это хорошо, но, имея такой обычный русый цвет, можно осветлить хотя бы пару прядей или сделать, как у меня. Поверьте, смотрите отпад!

Ну, уж нет! Хватит нам и одного Барби-клона в классе. И у меня вполне хороший цвет волос. Разглядываю свое слабое отражение в стекле книжного шкафа. Да и фейс тоже ничего, не зря же я в конкурсе красоты принимала участие.

— Во-вторых, одежда должна быть яркой. Серые мыши даже одеваются во все серое и невыразительное.